

Сюрприз от мафиози

Мои родичи — мафиози.

По выходным.

С понедельника по пятницу они обыкновенные люди. Ходят на работу. Вечерами сидят дома. Сначала вместе на кухне, потом папа переползает к компьютеру, мама к телевизору.

А субботним утром наша квартира превращается в секретный центр связи: каждые пять минут мамин айфон надрывается хитовым рингтоном, папин поёт о трёх танкистах и собаке, домашний телефон без передышки наигрывает классику.

Отвечая на звонки, родичи прячутся у себя в комнате или на кухне. Шифруются. Думают, что я не слышу, как они скрытничают с кем-то: шу-шу-шу. Однако слух у меня распрекрасный, быстро расшифровываю все послания, особенно если удаётся подкрасться близко к двери или выйти на балкон.

Давно выяснил: родичи договариваются с друзьями встретиться поиграть в «Мафию». Конкретные мафиози.

Даже смешно: уходя, они усиленно изображают деловых людей — серьёзные лица, умные реплики. Всем видом показывают — их ждут важные дела. Но я-то понимаю — стыдятся. Только чего? Боятся перестать казаться взрослыми? Или их мучает совесть, что уходят развлекаться без меня? Хотя второй вариант маловероятен.

Я притворяюсь, будто верю в их мегаделовитость. Пусть. Я тоже ничего не рассказываю, хотя со мной этим летом происходит столько всего интересного.

Этот выходной начался как обычно: звонки, секретные переговоры на кухне, шу-шу-шу, переглядывания.

После обеда папа отрепетированно предупредил меня:

— Мы — по важным делам.

После его слов я как по сигналу забежал в туалет. Закрылся там, зная, — дальше мамина очередь. И это самое невыносимое.

Уже через секунду раздался её приказ:

— Сиди дома! Слышишь? Сегодня мы запрещаем тебе гулять.

— Почему?

— Издеваешься? Напомнить, что было два дня подряд?

Крыть нечем: если позавчера я пришёл домой почти в одиннадцать, это ещё более-менее, то вчера — ближе к двенадцати. К тому же позвонил с чужого телефона (я не виноват, что мой старый смартфон всё время разряжается). У мамы случилась истерика от посетившей её нелепой мысли: «Родиона взяли в заложники!» Фантазёрка. Когда вернулся, хотел спросить, зачем кому-то брать меня в заложники, но она как налетела! Даже папа растерялся.

Пришлось забаррикадироваться в ванной. Мама, как гениальный психолог, решила напугать темнотой и выключила свет. Цирк.

Сегодня продолжение представления: я прячусь в туалете, а мама балуется с выключателем — щёлк-щёлк, щёлк-щёлк. В детстве не наигралась, что ли?

— Родион, повторяю, из дома ни шагу.

Внутри меня бурлило протестное настроение. Вместо ответа демонстративно смыл воду и зашуршал бумагой.

— Эй, не дерзи, — постучал в дверь папа.

Наверное, мама его в бок толкнула, заставила «сказать слово». Я усмехнулся и снова утопил кнопку смывного бачка. Монстр, сидящий в глубине унитаза, издал громкий утробно-булькающий звук. Он поддерживал меня.

Мама начала раздражаться:

— Родион, не глупи. Веди себя прилично, не огорчай нас.

Ого, я их, оказывается, огорчаю, а сами они дарят сплошные радости. Вот вам! Я опять призвал на помощь унитазного монстра — он с урчанием проглотил очередную порцию воды.

Родичи пошептались и ушли.

Я выскочил из туалета сам не свой. Внутри клокотала обида: терпеть такую несправедливость невозможно! Мне тринадцать лет, а у них требования, будто я детсадовец. Приказывают ещё! Сами гуляют, развлекаются, а я, как маленький, дома сидеть обязан. Летом! Всё равно сбегу. Часа на два или три. И назад. Они ничего не узнают. Ключ... где ты? Ключик, найдись... Э? Все ключи с собой забрали? Ну, мафиози, держитесь... Спустя пять минут я хлопнул входной дверью и тихо, чтобы не услышали соседи по площадке, произнёс: «Да здравствуют замки-самозакрывашки!»

Друг Тимас умеет рушить чужие планы. Я задумывал погулять в своём районе и вернуться домой рано. В смысле — не ночью, но он позвал на гору. М-м-м... великий соблазн! Отказаться от поездки на шихан¹

¹ Шихан (тюрк.) — одиночная гора (сопка). — Здесь и далее примеч. авт., кроме особо оговорённых случаев.

нормальному человеку невозможно. Особенно когда дядя Ришат, отчим Тимаса, берёт парашют.

— Допоздна? — спросил я.

— Не...

Итог: опять прячусь в ванной от разгневанных мафиози.

Я представил, что стал повелителем водопроводных труб. Выкрутил до предела вентиль крана — мощная струя звонко ударила о дно ванны. Хорошо шумит. То, что надо.

Бу-бу-бу — слышались за дверью ленивые папины нравоучения.

Мамин голос звучал требовательно:

— Выходи!

— Не могу, уже намылился.

Мама не сдавалась:

— Не лги, марш из ванной!

— Уже намылился, — повторил я, шаря рукой за стиральной машинкой. Я заранее спрятал там пакет с фонариком, ручкой и новеньким блокнотом — скромным набором начинающего писателя.

Сел по-турецки на махровый коврик, взял блокнот и перелистал его туда-обратно: проветрил страницы, подготовил к приёму великих мыслей. Положив руку на обложку, зашептал: «Дорогой блокнот, с этой минуты ты становишься домом для нашего героя, то есть для меня. На твоих листах появятся художественные

образы и оживут эпизоды из моей жизни. Будь терпелив, блокнот, не мнись, не рвись, помогай мне в создании интересного произведения под названием... которое я сейчас придумаю». Проведя этот ритуал, на первой странице старательно вывел девиз:

Будь чистильщиком собственного лексикона — избавляйся от сленга!

Ниже дополнил:

Маш герой решил не влюбляться раньше восемнадцати лет. Любовь должна быть одновременно и первой, и последней, и такой силы, чтобы сразу жениться. В тринадцать рано заводить семью, и в четырнадцать, и в пятнадцать... Зачем перечислять? Живи и радуйся — пять лет свободы!

Итак, я начал повесть о «нашем герое», о подростке без имени, которым был сам. Требовалось название. Задумался...

Из-за двери мама поставила ультиматум:

— Выключи воду! Это, кстати сказать, наши деньги утекают.

«Да? Деньги вхолостую — плохо», — согласился с ней мысленно.

Закрыл кран. Сел на место и начал записывать в столбец слова:

*дневник,
хроника,
воспоминания,
мему...*

— Кстати сказать, электроэнергию тоже надо эконом... — голос главаря мафиози сорвался, и свет погас.

— Кстати сказать, может, мне и кислород экономить? Дышать перестать? — возмутился я, дописывая в темноте:

...ры.

По тишине за дверью понял — мама покинула пост.

Нащупал пакет. Достал фонарик. Посветил на блокнот — вместо «мемуáры» получилось «мемúры». Есть! Нужно слово! Вот оно! Не важно, что ничего не означает, зато — уютное, мурчащее — мему-ур-ры — мурлыканье кота Мавродика. Положил руку на обложку и сообщил блокноту: «Дорогой друг, лови название — “Мемуры нашего героя”».

Чтобы не держать фонарик в руке, повесил его на трубу-сушилку. «О да, теперь можешь творить, — саркастически изрёк внутренний голос. — Все знаменитые писатели, художники, вообще разные творческие личности создавали шедевры в трудных условиях. Радуйся, литературный гений». Обычно я спорю сам с собой, но сейчас проигнорировал выпад внутреннего голоса. Стараясь, чтобы свет фонарика попадал на блокнот, застрочил муравьиным почерком:

Шихан Торатау¹ ходит. То приближается, то отдаляется. Наш герой смотрит на гору с балкона — серая горбушка. Ночью над ней — звезда и полумесяц. Утром — туманность. Днём — герой на парашюте. Один он... парит.

Иногда настроение нашего героя становится дымным. Неприятное состояние: невежливо, а душит, слепит глаза...

Бум-бум-бум — дверь задрожала.

— Родион, ведёшь себя отвратительно, — стараясь придать голосу суровости, возмутился папа.

¹ Торатау — один из четырёх знаменитых шиханов в Башкортостане, остаток рифового массива эпохи позднего палеозоя, образовавшегося больше 230 миллионов лет назад в тропическом море.

(Зря старался, ему не шла строгость.) — Освободи ванную, мне надо принять душ.

Послушный муж у мамы: что она скажет, то он и делает. Эта мысль почему-то перекрыла поток вдохновения и лишила дальнейшего желания писать. Затолкав пакет за стиральную машинку, я вышел и сразу попал под перекрёстный огонь разгневанных взглядов мафиози.

— Отлично мылился, на локтях грязь кусками висит, — съязвила мама.

Я осмотрел локти. Упс! Один — ноль в пользу мафиозного главаря.

— Родион, пройди в зал, мы сделаем заявление, — сказал папа, копируя мамину манеру официальнойничать.

Изображая послушного ребёнка, я поплёлся за ними. Скромно присел на край дивана.

— Мы посоветовались и решили взять тебе путёвку в загородный лагерь, — радостно сообщила мама, — как ты хотел.

— В прошлом году, — напомнил я.

— В прошлом году, — подхватила она, — ты сидел дома, не бродяжничал.

«Мечтают избавиться от меня хотя бы на месяц, чтобы спокойно мафиозничать с друзьями. Нет уж. Мне теперь и без лагеря неплохо».

— Там весело, здорово, — начал фальшиво нахваливать папа, покручивая компьютерное кресло. Ему не терпелось закончить воспитательные мероприятия, чтобы быстрее сесть за компьютер.

Мне тоже надоел прессинг. В целях самообороны пошёл на шантаж:

— Или сбегу из лагеря, или буду вести себя неадекватно. Вам же хуже, скажут: «Ваш сын — придурок». Опозоритесь!

На маму эти слова подействовали. Боялась опозориться. И сына-придурка не хотела. Надула губы и ушла в ванную.

— Эх ты, — выдохнул папа больше с облегчением, чем с осуждением, и плюхнулся в кресло. Его ждал танковый бой.

А меня ждал Мавродик. Всем котячьим существом он вопрошал: «В этом доме кто-нибудь помнит обо мне? С голода умереть можно».

Когда я рылся в холодильнике, отыскивая что-нибудь для Мавродика, на кухню ворвалась мама с мокрыми волосами. Я-то думал, она обиделась, дня два разговаривать не будет, а она под душем речь готовила:

— Родион! Ты стал не ты!

— Наконец-то заметила, — буркнул я.

— Превратился в бродяжку. Кошмар. Что случилось? Почему? Ты же был адекватным, нормальным